

Кратет Фиванский

Из стихотворных сочинений

1. Любовь проходит с голодом, а если нет, — со временем.
Но если и от этого не догорит огонь,
Один тогда бедняжке путь — скорее в петлю лезь.

(Антолог, Плануда, I, 37. — Этьен, с. 38; Стобей. Антолог. XLI; у Диогена Лаэртского (VI, 86) читаем:

Любовь проходит с голодом, а если нет, — со временем.
А если так не справишься, петля тогда — спасение.

Почти те же стихи у Суды (под словом «Кратет»); ср.: Климент Алекс. Стромат., II, 493; Юлиан, VI, 198 и др.).

2. Остров есть Пера среди виноцветного моря порока.
Дивен и тучен сей остров. Владений окрест не имеет.
Дурень набитый и трутень, как и развратник негодный,
Жадный до толстого зада, в пределы его не допущен.
Смоквы, чеснок и тимьян в изобилье тот остров рождает.
Граждане войн не ведут и не спорят по поводам жалким,
Денег и славы не ищут, оружием к ним путь пробивая.
(Диог. Лаэрт., VI, 85. Здесь Кратет подражает Гомеру (Одиссея, XIX, 172—173); ср.: Апулей. О магии, 26; Деметрий Фалерский. О стиле, 259. «Пера» — нищенская котомка киника).

3. Дай десять мин ты повару и драхму лишь — врачу,
Тому, кто льстит, — талантов пять и шиш — советчику.
А девке дать не жаль талант, философу ж — обол.
(Диог. Лаэрт., VI, 86. Иронические советы от имени прожигателя жизни богача).

4. Здравствуй, богиня моя, мужей добродетельных радость.
Скромность имя тебе, Мудрости славной дитя.
Благость твою почитает, кто справедливости предан.
(Антолог. Плануда, I, 12; Юлиан, VI, 199. Фрагмент представляет собой начало гимна Скромности).

5. То, что узнал и продумал, что мудрые Музы внушили, —
Это богатство моё; всё прочее — дым и ничтожность
(Диог. Лаэрт., VI, 86; ср.: Плутарх. Как можно себя хвалить. ..., 17. — Гуттен, т. 10, с. 209).

6. Славные дочери Зевса-владыки и Мнемосины,
Музы Пиэрии, к вам слово молитвы моей.
Пищу пошлите вы мне — не могу голодать постоянно.
Только без рабства: оно делает жалкою жизнь.

.....
Буду полезен друзьям, льстить только им не учите.
Деньги же грех собирать, копить скарабею богатство.
Быть не хочу муравьём — только себе и себе.
Хочется праведным стать и такое добыть мне богатство,
Чтобы к добру привело, делая лучше людей.
Этого только б достичь, Гермесу и Музам пречистым
Жертв дорогих не свершу, делом святым отплачу.

(Юлиан, VI, 199с; ср.: Там же, VII, 213Ь. Весь отрывок — пародия на элегию Солона, приведённую Стобеем (Антолог., IX, 25). Слова «буду полезен друзьям...» направлены против паразитов, которые стремились не столько приносить пользу, сколько говорить приятное. Последний стих фрагмента перекликается с мыслями Диогена у Юлиана, VI, 199).

7. В котомке, что за сила, знать не можешь ты.
Бобов не знаешь сладости и жизни без забот.
(Стобей. Антолог., ХСVII, 31; ср.: Диог. Лаэрт., VI, 86).

8. Идешь далече, милый мой горбун.
Согбенный старостью, в Аид свой держишь путь.
(Диог. Лаэрт., VI, 92).

9. Когда Александр спросил его, хочет ли он, чтобы его родной город был восстановлен, он ответил: «Зачем? Придёт, пожалуй, новый Александр и снова разрушит его». Он говорил, что его родина — безвестность и бедность, неподвластная даже судьбе, и что его соотечественник — Диоген, человек, недоступный зависти (Там же, 93. Муллах предполагает, что за словами «...разрушит его» должны следовать стихи, и пытается восстановить их; однако в рукописях в этом месте стихов нет; ср.: Элиан, Пёстр, ист., III, 6; Филострат. Жизнь Аполлония Тианского, VII, 1).

10. Все побеждай, не сдавайся, гордая духом и силой.
Золоту ты неподвластна и всё сжигающей страсти.
Правда, большая любовь не может быть спутницей подлых.
И все заключают строчки:

Те, кто не сломлен вконец жалким рабством у радостей жизни,
Чтут лишь царство одно — бессмертное царство свободы
(Климент Алекс. Стромат., II. — Поттер, с. 492).

11. Меня согнуло время, мудрый чародей.
Болезни шлет оно, всех делает слабей.
(Стобей. Антолог., СХVI, 31).

12. Сильпона там я узрел, казнимого страшною казнию.
В городе, где, повествуют, лежище было Тифона.
Споры он в Мегарах вёл с неисчётными окрест друзьями,
Спорили долго они, добродетели имя пороча.
(Диог. Лаэрт., II, 118).

13. Видел я Асклепиада, того, что жил во Флиунте,
Рядом стоял Менедем, на быка, как две капли, похожий.
(Диог. Лаэрт., II, 126).

14. Видел потом я Микилла, живущего в тяжких страданиях,
Шерсть он усердно чесал, и жена ему в том помогала
В битве жестокой за жизнь голода так избегали.
(Плутарх. Как избегать долгов, 7. — Гуттен, т. 12, с. 214).

15. Бобы собирай и моллюсков...
(Стобей. Антолог., V, 67).

16. Бранил, я слышал, старость ты: «Большое зло!»
Какое ж зло? Замена ей одна лишь смерть.
Мы все стремимся к старости. Когда ж придёт,
Печалимся. Природы мы не ценим дар.
Ведь никогда так не желанна жизнь, как в старости.
(Стобей. Антолог., CXV, 9. Возможно, эти стихи взяты из какой-то комедии Антифана, где выведен Кратет, рассуждающий о старости).

17. Отечество моё — не только дом родимый,
Но всей земли селенья, хижина любая,
Готовые принять меня в свои объятия.
(Диог. Лаэрт., VI, 98).

Гномы и апофтегмы

18. Бедность — не порок, сказал бы Эпиктет, но и Кратету Фиванскому она не казалась злом, когда он пожертвовал родному городу всё свое состояние, сказав при этом:

— Кратет Кратета сам имущества лишил.

Только тогда лишь он почувствовал себя свободным и надел венки, будто в знак обретённой свободы, потому что сменил богатство на бедность (Симпликий. Комментарий к «Энхейридиону» Эпиктета, X. — Швейг, с. 107; ср.: Диог. Лаэрт., VI, 87; Элиан. Пёстр, ист., III, 6; Плутарх. Как избегать долгов, 8; ср. также: Диог. Лаэрт., VI, 88; Филострат. Жизнь Аполлония Тианского, I, 10).

19. Брак, который влечёт за собой разврат и прелюбодеяния, говорил он, трагичен, ибо его следствием являются изгнание и убийства, а браки тех, кто вступает в связь с гетерами, дают сюжет для комедий, так как распутство и пьянство приводят лишь к безумию (Диог. Лаэрт., VI, 89).

20. Вступившись однажды за кого-то, Кратет стал упрашивать гимнасиарха, коснувшись рукой его бёдер. Когда тот пришел в ярость, он сказал: «Разве твои ляжки чем то отличаются от колен?» (Там же).

21. Он говорил, что невозможно найти человека, который никогда не совершал бы ошибок, подобно тому как в гранате среди зёрен всегда найдется хоть одно, да гнилое (Там же, 89).

22. Раздразнив однажды кифареда Никодрома, он получил от него здоровенную затрещину, оставившую след на лице. Тогда он прилепил на лоб записку: «Сделано Никодромом» (Там же: ср. выше: Диоген Синопский, фр. 96).

23. Деметрия Фалерского, приславшего ему хлеба и вина, он попрекал словами: «О, если бы источники приносили и хлеб!» Из этого ясно, что пил он только воду (Диог. Лаэрт., VI, 90; ср.: Афиней, X, 422С).

24. Когда Кратет получил замечание от афинских астиномов за то, что надел кисейное покрывало, он сказал: «Я докажу вам, что и Феофраст ходит в кисее». Когда они не поверили ему, он повел их в цирюльню и показал на Феофраста, которого в то время брили (Диог. Лаэрт., VI, 90).

25. В Фивах он был избит гимнасиархом, и, когда его волокли за ноги, он, не теряя присутствия духа, декламировал:

Влѣк он, за ногу схватив, и низвергнул с небесного прага
(Диог. Лаэрт., VI, 90. Стих из Илиады, I, 591).

26. Зенон Китийский в своих «Хриях» рассказывает, что Кратет был настолько ко всему безразличен, что даже пришел к своему плащу заплату из кусочка овечьей шкуры (Диог. Лаэрт., VI, 91).

27. Лицом он был безобразен, и, когда занимался гимнастическими упражнениями, над ним смеялись. Поднимая руки, он обычно говорил: «Будь уверен в своих глазах и теле, Кратет. Придѣт время, и ты увидишь, как эти насмешники, уже давно измученные болезнями, почтут тебя счастливым, а себя самих будут бранить и поносить за свою лень» (Там же).

28. Он любил говорить, что философией нужно заниматься до тех пор, пока военачальников не станут считать простыми погонщиками ослов (Там же, 92. Философия, говорил он, состоит в презрении ко всем привычным человеческим ценностям. Занимаясь ею, человек достигает такой высоты духа, что ни во что не ставит ни воинские, ни какие-либо другие почести и награды).

29. Те, кто живет среди льстецов, говорил он, так же беспомощны, как телята в стаде волков. Ни тем, ни этим нельзя помочь — кругом одни враги (Там же).
30. Кратет говорил, что неразумные люди похожи на коловорот: без нажима и принуждения они ничего не хотят делать из того, что положено (Стобей. Антолог., IV, 52).
31. Кратет пришёл на рыночную площадь и, видя, как одни продают, а другие покупают, сказал: «Вот люди! Делают прямо противоположное и считают себя счастливыми. А моё счастье состоит в том, что я свободен и от того и от другого — не продаю и не покупаю» (Там же, V, 52).
32. Кратет называл льстецов «чего изволите-с», обедающими вместе (Там же, XIV, 16).
33. Богатому юноше, окружённому толпой прихлебателей, Кратет сказал: «Молодой человек, как жаль мне, что ты так одинок!» (Там же, 20).
34. Рассказывают, что Кратет Фиванский приходил в дома, раздираемые ссорами, и словами о мире разрешал споры (Антоний. Рассужд. о согласии и мире),
35. Не от всякого можно принимать подарки. Непозволительно, чтобы добродетель кормилась пороком (Антоний и Максим. Рассужд. о благодеянии и милости).
36. Увидев молодого атлета, который обильными возлияниями, мясной пищей и тренировками нагонял себе мускулатуру, Кратет сказал: «Безумец! Перестань строить для самого себя тюрьму» (Антоний и Максим. Рассужд. о невоздержанности и ненасытности).
37. Украшением можно считать то, что украшает, говорил Кратет. А украшает то, что делает женщину более скромной. Её не делает такой ни золото, ни смарагды, ни румяна, а то, что преисполняет серьёзностью, сдержанностью и стыдливостью (Плутарх. Супружеский наставления. — Гуттен, т. 7, с. 419; Стобей. Антолог., LXXIV, 48).
38. Кратет говорил, что снискал себе известность и славу не богатством, а бедностью (Стобей. Антолог., XCVII, 27).
39. Знаменитый философ древности Кратет любил повторять: «Если бы можно было подняться на самое высокое место в городе и закричать оттуда громким голосом: „Эй, вы, люди! Куда вы стремитесь? Зачем столько тратите сил, чтобы приобрести себе богатства, а о детях, которым вы всё это оставите, почти не заботитесь?“» (Плутарх. О воспитании детей, 7. — Гуттен, т. 7, с. 16).
40. Кратет, у которого только и было, что нищенская сума да плащ, всю жизнь прожил, шутя и смеясь, как на празднике (Плутарх. О спокойствии духа, 4. — Гуттен, т. 10, с. 6).
41. Когда Кратет заходил в любой дом, его там принимали с почётом и радушием. Поэтому он получил прозвище «Всех-дверей-открыватель» (Плутарх. Пиршественные беседы, II, 1, 1. — Гуттен, т. 10, с. 65. Об этом же свидетельствует Диог. Лаэрт., VI, 86; ср. выше фргм. 17).

42. Кратет Фиванский так говорил:

Миску большую не ставь перед нами,
Лучше похлебки налей. Восставать нас иначе заставишь.

(Афиней, IV, 158Ь. Эти же слова сохранены Плутархом (см.: О сохранении здоровья, 7. — Гуттен, т. 7, с. 380): «Кратет считал, что из-за роскоши и расточительности в государствах нередко вспыхивают мятежи и устанавливаются тирании. Поэтому он, шутя, наставлял: „Миску большую не ставь“» и т. д., т. е. не следует предпочитать бедной еде роскошные блюда, которые являются поводом для переворотов).

43. Кратет отдал своё имущество народу. Телесное уродство заставило его смеяться над своей хромоногостью и горбом. Он приходил в дома друзей, званный и незванный, примиряя близких друг с другом, когда замечал, что они в ссоре. Он упрекал, не причиняя боли, а тактично. Он не хотел, чтобы казалось, что он льстит тем, кого исправляет, а хотел приносить пользу как им, так и тем, кто его слушал (Юлиан, VI, 201).

44. Увидев золотую статую гетеры Фрины, установленную в Дельфах, Кратет воскликнул: «Вот трофей распущенности эллинов!» (Стобей. Антолог., VI, 39. То же рассказывает Плутарх (О счастье Александра Вел., II, 3. — Гуттен, т. 9, с. 58), а также Афиней (XIII, 591Ь) и Элиан (Пёстр. ист., IX, 27)).

45. Согласно Кратету, умеренность, которая вводит наслаждение в определённые границы, спасает семьи, спасает и государства (Стобей. Антолог., V, 63).

46. Кратет говорил, что деньги богатых распутников похожи на смоковницы, растущие над пропастью. Человек не может ничего от них получить, там могут пожить лишь коршуны и вороны. Так и у этих богачей — только гетеры и льстецы (Там же, XV, 10).

47. Зенон рассказывает, что Кратет, сидя в сапожной мастерской, читал «Протрептик» Аристотеля, адресованный кипрскому царю Фемисону. Стагирит писал, что ни у кого нет лучших условий для занятий философией. Он обладает таким большим богатством, что даже может позволить себе делать траты на философию. К тому же у него есть ещё и слава. Когда он всё это читал, повествует далее Зенон, сапожник слушал его и делал свое дело. Тогда Кратет сказал: «Я решил написать „Протрептик“ и посвятить его тебе, Филиск. Я вижу, что у тебя больше возможностей для философии, чем у того, кому написал своё сочинение Аристотель» (Там же, XCV, 21).

48. Поэтому Кратет так ответил человеку, спросившему его, какую пользу получит он от изучения философии: «Сумеешь легко развязать кошелёк и, запустив туда руки, щедро давать другим, а не так, как теперь, терзаясь, медля и дрожа, будто у тебя руки отнимаются. Ты будешь так же поступать, когда у тебя кошелёк полон, а если опустошится, не станешь горевать. Если решишься потратить деньги, легко сумеешь это сделать; не имея гроша за душой, не будешь желать ничего большего, но станешь жить, довольствуясь тем, что есть, не стремясь к тому, чего нет, вполне удовлетворенный действительностью» (Там же, XCVII,31).

49. Поэтому, если хочешь избавить своего сына от нужды и бедности, не посылай его к Птолемею зарабатывать деньги. Если пошлешь, он уйдёт, приобретя лишь наглость, но ничего не добившись. Пошли его лучше в Академию к Кратету, которому удавалось людей ненасытных и распущенных превращать в свободных и скромных. Известный всем Метрокл рассказывал, что когда обучался у Феофраста и Ксенократа, хотя из дому он получал богатые посылки, однако боялся умереть с голоду и всегда терпел недостаток и нужду. Потом, перейдя к Кратету, он мог бы ещё и другого прокормить, хотя больше ему ничего не присылали. Ведь прежде ему надо было иметь обувь, и притом особенную, без подошвы и гвоздей, затем одежду из самой тонкой и мягкой шерсти, свиту рабов, дом, достаточно вместительный для устройства приёмов, белый хлеб, изысканную пищу, дорогое вино, роскошные угощения. Ведь такой образ жизни считался достойным свободного человека.

Тому же, кто переходил в школу Кратета, все это было не нужно. Став скромнее, он довольствовался грубым плащом, кашей и самыми простыми овощами и даже не вспоминал о прошлом образе жизни, радуясь настоящему. От холода мы ищем поплотнее гиматий, а он, сложив вдвое свой старый плащ, бродил повсюду, будто у него был не один, а два гиматия. Если он хотел умастить тело, то шёл в баню и натирался там оскрёбками. Иногда он подходил к печке, ставил на нее медную сковородку с рыбёшками, слегка поливал маслом и там же, присев, закусывал. Летом спал в храмах, зимой — в банях, ни в чем, как бывало прежде, не нуждаясь, не испытывая недостатка, но довольствуясь тем, что есть. Не желая иметь слуг, он повторял: «Было бы удивительным, если бы Манес без Диогена смог жить, а Диоген без Манеса — нет» (Там же, 31).

50. Если бы о счастливой жизни нужно было бы судить по обилию удовольствий в ней, то никто, по мнению Кратета, не мог бы считаться счастливым. Если бы кто-нибудь захотел обдумать все периоды целой человеческой жизни, то нашёл бы в ней значительно больше горестей, чем радостей. Во-первых, та половина жизни, когда мы спим, безразлична. Затем, первые шаги воспитания полны трудностей. Ребёнок голоден — кормилица укладывает его спать; хочет пить — она его купает. Хочет спать — гремит погремушкой. Когда сходит с рук кормилицы, попадает в руки дядьки-педагога, педотриба, учителя грамматики, музыки, рисования. Подрастёт, прибавляются новые заботы — арифметика, геометрия, верховая езда (а все учителя секут, поднимают чуть свет, а отдыха никакого).

Достигает ребёнок юношеского возраста, эфебии, — снова страх перед слугой-косметом, перед преподавателем военного дела, начальником гимнасия. И все его секут, держат под наблюдением, хватают за горло. Когда он уже выходит из возраста эфеба, ему двадцать лет, но и тут он боится и следит то за командиром отряда, то за военачальником. Где нужно караулить, они караулят; где нужно нести охраны или бодрствовать, они охраняют; сесть на корабли — они садятся. Становится мужчиной в полном расцвете сил — воюет, участвует в посольствах, занимается политикой, набирает на свой счёт хор, устраивает состязания и благословляет время, когда был ребёнком. Но проходит и пора зрелости, наступает старость. Снова с ним обходятся, как с ребёнком, и он жаждет юности: «О, милая мне юность! Ах, старость тяжелее Этно!» И не понимаю, каким образом хоть один человек мог бы прожить счастливую жизнь, если бы о ней судили только по обилию радостей и удовольствий (Там же, ХСVIII, 72)[109].

Версия #1

Зверобой создал 14 ноября 2025 09:34:24

Зверобой обновил 14 ноября 2025 09:38:42